МАЛЬЧИКЪ И ДѢВОЧКА.

СКАЗКА

О

ДИКОВИНКАХЪ НЕВИДАННЫХЪ

И ЧУДЕСАХЪ НЕСЛЫХАННЫХЪ.

Сочиненіе

Г-жи Ярцовой. Л. А



С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЮЛІУСА ШТАУФА.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 15-го мая 1853 года.

Ценсоръ А. Елагинъ.



СКАЗКА

О ДИКОВИНКАХЪ НЕВИДАННЫХЪ

И

ЧУДЕСАХЪ НЕСЛЫХАННЫХЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, какой-то чудной земли; которая какъ живая сама собою вертится, сама черезъ себя кувыркается и сама по себѣ, ни на кого не смотря кружится около какого-то огонька, что безъ русскихъ дровъ и безъ заморскаго угля, всегда горитъ безъ дыму, безъ полымя, самъ не жжетъ и не тускнетъ; а только свѣтитъ да грѣетъ.

Въ одномъ изъ царствъ этой чудной земли черезъ два дня отъ новаго года, родился мальчикъ, у котораго столько

было глазъ сколько дней въ году, и всѣ тѣ глазки были такъ черны, такъ черны, что кажется и свѣту Божьяго въ нихъ не видно, а сами они славно видѣли; оттого что все, на чтобы не посмотрѣли, тотчасъ рисовалось въ нихъ какъ въ зеркалѣ.

А та земля между тѣмъ все вертѣлась, да вертѣлась вмѣстѣ съ мальчикомъ, отчего онъ былъ, то вверхъ головой, то вверхъ ножками, и не смотря на это, жилъ себѣ припѣваючи, и росъ, не по днямъ, а по часамъ, какъ въ сказкахъ разсказываютъ.

На той же самой землѣ, ровно черезъ годъ и десять дней, родилась и росла дѣвочка и того затѣйнѣе; у этой дѣвочки на обѣихъ ручкахъ, столько было паль-

цевъ сколько въ томъ году дней; но совсѣмъ тѣмъ пальчики эти были хорошенькіе, бѣленькіе и очень, очень рукодѣльные. — Чудная эта дѣвочка никогда не сидѣла сложа ручки, хотя также какъ и мальчикъ безпрестанно вертѣлась и кружилась.

Вотъ оба они, мальчикъ и дѣвочка, росли, росли и выросли; набрались ума и разума, научились всему препорядочно; а училъ ихъ ктобъ вы думали?—*Дѣдушка бѣлый горошекъ*, старичекъ еще давнишній, который обыкновенно живетъ на верхушкѣ подъ маковкой. — Онъ-то наставлялъ ихъ на все доброе, не мѣшая дѣлать и глупости, если не спрося его, за что принимались.

*

Однажды было прекрасное утро, солнышко такъ же играло разными переливами въ капелькахъ, будто въ жемчужникахъ, которыми были унизаны всѣ былиночки; на кустахъ пѣли голосистыя пташечки; веселые кузнечики попрыгивали въ шелковой травкѣ; надъ цвѣтами вились и летали пестрыя бабочки, казалось сами цвѣточки ожили и стали порхать во всѣ стороны; краснобокія яблочки качались на вѣточкахъ; разнокалиберныя ягодки, или сидѣли рядкомъ на кусточкахъ, или прятались въ травкѣ и потихоньку оттуда выглядывали; золотыя и серебрянныя рыбки выскакивали изъ воды и блистали на солнышкѣ; овечки смиренно гуляли по лугу, пощипывая моло-

денькую травку; а рѣзвыя козочки, лазили и прыгали куда и какъ попало; а все это, было приготовлено для забавы, пищи и лакомства нашихъ счастливцевъ братца съ сестрицею.

Но они не умѣли быть счастливы, особливо неугомонный мальчикъ, которому все хотѣлось знать что нибудь новенькое и видѣть невиданное; все ему скоро прискучивало и онъ одинъ въ это веселое утро, былъ не веселъ, сидѣлъ задумавшись и наконецъ сказалъ дѣвочкѣ.

— Знаешь что, сестрица голубушка, мнѣ скучно стало ходить по одному мѣсту, или сидѣть въ нашемъ саду на одной и той же лавочкѣ; хоть бы разъ побывалъ я, гдѣ нибудь подалѣе и посмотрѣлъ что

нибудь новенькаго,—я слыхалъ что и не такія есть еще диковинки на бѣломъ свѣтѣ? —Признаюсь хотѣлось бы посмотрѣть на нихъ !

— Что тебѣ за мысль пришла? — отвѣчала дѣвочка, право и у насъ много хорошаго и здѣсь намъ такъ весело!

— Нѣтъ сестрица, мнѣ все надобно и непремѣнно хочу чего нибудь новенькаго; здѣсь все одно и тоже—утромъ солнышко взойдетъ, ночью мѣсяцъ выглянетъ; зимою снѣгъ нападетъ, лѣтомъ травка выростетъ, все тѣ же бабочки, птички и козявочки ничего нѣтъ новаго, ничего чудеснаго!

— Напрасно такъ думаешь, братецъ голубчикъ; повѣрь мнѣ, что и здѣсь, на

каждой былиночкѣ, на каждой вѣточкѣ; столько есть чудеснаго, что только умѣй разсматривать! вотъ летитъ букашечка, она сейчасъ сидѣла у меня на рукѣ и казалась вся черниинькая; а когда полетѣла, то не знаю откуда взялись у нее алыя какъ огонекъ крылошки — посмотри, какъ это удивительно....

— Нѣтъ! и смотрѣть не намѣренъ? что задумалъ то исполнится, не мѣшай мнѣ и не удерживай....

— Я и не могу этого сдѣлать братецъ голубчикъ, ступай куда хочешь, вамъ мальчикамъ надобно больше видѣть и знать, а намъ, какъ я слыхала отъ дѣдушки, лучше сидѣть дома и занимаясь чѣмъ нибудь полезнымъ, находить счастіе у

себя. Мы дѣвочки родимся для простой, домашней жизни и, съ малыхъ лѣтъ должны привыкать, такъ все улаживать, чтобы дома было весело не только однимъ намъ но чтобы и другіе съ нами не скучали, тогда только можемъ мы быть счастливы; а вамъ, мальчикамъ другое дѣло! вамъ можно кататься по бѣлу-свѣту!

— О! конечно такъ! ты умно разсуждаешь, и хотя конечно жаль мнѣ тебя оставить, душенька моя сестрица; но чтожъ дѣлать?... Я непремѣнно желаю отправиться въ дальнія земли, за далекія и широкія моря! только не знаю, какъ это сдѣлать.

— Попроси совѣта у нашего дѣдушки бѣлаго горошка; отвѣчала дѣвочка, скры-

вая горе свое въ душѣ; онъ такой искусникъ, что можетъ плавать по водѣ, какъ рыба, летать подъ облаками какъ птица, а по землѣ умѣетъ ѣздить даже и на такомъ конѣ, у котораго нѣтъ ни головы, ни ногъ, и скачетъ скорѣе всѣхъ коней на свѣтѣ; съ дороги никогда не сбивается; ни пьетъ, ни ѣстъ, а сила въ немъ невѣроятная.

— Спасибо тебѣ сестра, что ты меня научила, сейчасъ потолкую я съ дѣдушкой.

Скоро проворный нашъ мальчикъ выспросилъ все у дѣдушки бѣлаго горошка и началъ собираться во путь, во дороженьку; а сестрица напекла сладенькихъ пирожковъ и ватрушечекъ, да блинковъ съ оладышками и отпустила съ брат-

цемъ, который на прощанье разговорчивъ сталъ.

— Ну прощай сестрица голубушка, живи себѣ счастливо; а я поплыву за моря въ новый свѣтъ, гдѣ совсѣмъ не то, что мы здѣсь видимъ, о! тамъ все пречудесно.

— Хорошо миленькой братецъ; отвѣчала дѣвочка, добрый путь тебѣ, дружечикъ мой, — да не соскучилось бы тебѣ по своей землѣ?

— О! нѣтъ, этого не опасайся, тамъ все новое, скучать не захочется, насмотрюсь всего досыта и послѣ того полечу съ дѣдушкой, выше свѣтленькихъ облачковъ, погрѣюсь у самаго краснаго солнышка.

— Смотри чтобы не озябнуть тамъ, братецъ голубчикъ.

— Вотъ вздоръ какой, можно ли озябнуть подлѣ солнышка, когда здѣсь и далеко отъ него, а такъ жарко оно грѣетъ.

— Я слыхала такъ, дружокъ мой, впрочемъ увидишь самъ, правду ли я сказала.

— Хорошо сестрица, посмотримъ, узнаемъ! А потомъ дѣдушка обѣщалъ покатать меня и на томъ конѣ, о которомъ ты говорила, что безъ головы и безъ ногъ, а бѣжитъ, какъ вихрь летитъ!

— Смотри не испугайся братецъ голубчикъ, конь этотъ такъ форкаетъ и свищетъ, что морозомъ подеретъ по кожѣ.

— О нѣтъ, я не трусливаго десятка,

не то что ты! вотъ тебя-то мнѣ жалко, соскучишь ты здѣсь.

— Объ этомъ не заботься, я твердо помню наставленія дѣдушки и найду чѣмъ заняться и на что любоваться.

Поговоря такимъ образомъ, они поцѣловались, пожелали другъ другу всего хорошаго и разстались.

ПОѢЗДКА СЪ ДѢДУШКОЙ НА ЧУДОВИЩѢ.

Дѣдушка бѣлый горошекъ, повелъ мальчика къ морю, сѣлъ съ нимъ на лодочку и привезъ къ черному какъ смоль и огромному какъ домъ, морскому чудовищу, которое очень смирно стояло на водѣ, какъ бы грѣясь на солнышкѣ.

Дѣдушка шепнулъ мальчику, что это чудовище хотя и велико, но въ его власти и повелъ мальчика по висящей на боку у него лѣстницѣ; они взобрались на широкую немного горбатую спину чуда-чуднаго, и тотчасъ дѣдушка приказалъ ему плыть далѣе.

Тогда, къ несказанному удивленію мальчика, чудовище зашевелилось, потащило изъ глубины свою огромную лапу, которой прежде держалось на одномъ мѣстѣ; потомъ размахнуло съ полъдюжины ужасной величины, бѣлыхъ крыльевъ и переваливаясь съ боку на бокъ, быстро побѣжало туда, гдѣ солнышко привыкло прятаться.

Постой! сегодня не уйдешь отъ насъ! говорилъ мальчикъ; однако оно скрылось и такъ сдѣлалось темно, что хоть въ жмурки играй мальчикъ нашъ съ своимъ дѣдушкою, не нужно было и глаза завязывать!

Храбрый нашъ путешественникъ струсилъ было сначала; но дѣдушка шепталъ

ему, что съ нимъ бояться нечего и что онъ умѣетъ избавляться отъ бѣды, только бы тотчасъ къ нему обращался.

Долго, долго плыли они безъ остановки.

Не разъ уже солнышко входило изъ-за дальнихъ водъ, поднималось на небеса, и снова опускалось въ воду!

Въ слѣдъ за нимъ, очень медленно, какъ бы нехотя показывалась задумчивая подруга его, свѣтлая луна; иногда какъ круглый сыръ, а иногда съ рожками; шла выше, выше, переходила небесный сводъ и пряталась проказница въ холодной ваннѣ; блестящія звѣздочки, сбирались разноманерными кучками, свѣтили своими чудными огоньками и гасили ихъ только въ то время, когда красавица заря

разстилала алую ткань по всему востоку, встрѣчая красное солнышко.

А чудовище все бѣжитъ, да бѣжитъ, по такой дорожкѣ, гдѣ нѣтъ ни верстовыхъ столбовъ, ни постоялыхъ дворовъ; все гладко и лоснится какъ полированное стекло, или пойдутъ вдругъ горы да рытвины, такія, что и дна невидать!

Видя передъ собою море, и за собою море, и вездѣ кругомъ пространство воды необъятное, нашъ мальчикъ призадумался, закручинился и началъ уже сердиться на дѣдушку; думая что онъ видно и самъ не знаетъ куда везетъ его; да и мудрено знать, ѣдучи по такой мокрой степи, гдѣ нѣтъ ни замѣточки, ни пути, ни дороженьки?

Усмѣхнулся дѣдушка бѣлый горошекъ, покачалъ головою и показалъ ему на одну ярко блестящую на небѣ звѣздочку; а потомъ на другой мѣдный кружекъ, изчерченный также въ видѣ звѣздочки, по которому взадъ и впередъ покачивалась желѣзная иголочка; но отъ одного какого-то значка не смѣла удалиться, иногда только перебѣгая его, а иногда не добѣгая.

— Вотъ гдѣ двѣ вѣщуньи, звѣздочка небесная и звѣздочка земная, молвилъ старичекъ; сказываютъ мнѣ, какъ направлять путь чудовища, которое тащитъ насъ за тридевять земель, въ тридесятое царство.

Наконецъ, долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, показался имъ берегъ.— Обрадовался нашъ мальчикъ безъ памяти;

ужасно надоѣло ему необозримое пространство соленой и горькой воды! Вотъ принялся онъ прыгать отъ радости, протягивалъ руки къ землѣ и желая какъ можно скорѣе быть тамъ, кричалъ:

— Ступай прямо! ближе, ближе къ берегу.

— Стой! раздался громозвучный голосъ дѣдушки, бѣлаго горошка; и послушное чудовище вмигъ опустило свои крылья, какъ мокрая курица, вытянуло свою лапу и уцѣпясь за что-то, сдѣлалось неподвижно.

Чрезмѣрно огорчился нетерпѣливый мальчикъ такой неожиданной остановкою и ворчалъ сквозь зубы:

— О, какъ несносно? эти старики всегда такъ медленны.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, возразилъ дѣдушка; ты мой любезной не знаешь самъ, чего желаешь; не только мы, но и тотъ кто везетъ насъ, разлетится въ дребезги если подойдетъ ближе? не будь такъ опрометчивъ, а лучше вѣрь моей опытности. Мы сейчасъ будемъ тамъ; я тебѣ совѣтую взять на всякій случай, кое-какія вещицы, которыя приготовилъ я заранѣе и пойдемъ.

Съ этимъ словомъ дѣдушка спустился въ лодку, мальчикъ послѣдовалъ за нимъ и оба приставъ къ берегу очутились въ новомъ свѣтѣ.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ.

Долго шли они вдоль широкой рѣки, на каждомъ шагу попадались имъ невиданные до того растѣнія и цвѣты, которыя у насъ за рѣдкость показываютъ въ оранжереяхъ, а тамъ они покрывали цѣлыя поля, какъ здѣсь васильки, или простые колокольчики, къ тому же эти цвѣты, восхитительные для глазъ разливали также благоуханіе, которое во сто разъ пріятнѣе всѣхъ нашихъ выписныхъ духовъ, въ граненыхъ, дорогихъ сткляночкахъ.

Скоро повстрѣчались съ ними и люди, но что за странные и смѣшные люди!...

во-первыхъ, не бѣлаго, а какого-то, почти чернаго цвѣта, да къ тому еще лица ихъ, руки и ноги, были вышиты различными узорами; вмѣсто же украшеній, висѣли раззолоченныя побрякушки, и не въ ушахъ какъ у насъ носятъ серьги, а продѣтыя сквозь носъ на рыбьей косточкѣ.

Дѣдушка бѣлый горошекъ, шепнулъ своему товарищу, чтобы онъ спросилъ куда лучше идти и гдѣ найти имъ настоящую дорогу и проворный мальчикъ тотчасъ началъ ихъ спрашивать; сперва по-русски, потомъ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, по-итальянски; всѣмъ этимъ языкамъ научилъ его дѣдушка; — но чудаки смотрѣли на него, кривлялись, лепетали на какомъ-то стран-

номъ нарѣчіи, и вдругъ взвизнувъ разбѣжались въ разныя стороны.

Вотъ еще какіе шуты! сказалъ мальчикъ, помирая со смѣху, изволь добиваться отъ нихъ толку? Нечего дѣлать! пойдемъ дѣдушка, какъ нибудь сами.

Они пошли далѣе по цвѣтущему лугу и достигнувъ конца его вошли въ прекрасную рощу, составленную изъ такихъ деревъ, какихъ они отъ роду не видывали. Эти великаны казалось подпираютъ сводъ небесный, гладкій и какъ будто обстроганный штамбъ, на верхушкѣ только имѣлъ сучья и предлинные листы; такъ что можно было укрыться подъ ихъ тѣнью, цѣлому стаду барановъ, но и тутъ знойное тамошнее солнце до того разогрѣло

воздухъ, какъ въ самой жаркой русской банѣ!

— Охъ! какая жара! говорилъ нетерпѣливой нашъ мальчикъ, родной нашъ сѣверъ лучше, дѣдушка бѣлый горошекъ помоги мнѣ, я право умру отъ жажды.

— Зачѣмъ же дѣло стало? пей молоко, которое налито въ кувшинахъ.

— Ахъ! дѣдушка голубчикъ, да гдѣ же они?

— Посмотри вверхъ, и ты увидишь.

А! вижу! вижу, они висятъ на сучьяхъ. Эдакое чудо? однако, какъ прикажите достать ихъ? видишь куда занесло эти кувшины, чуть, чуть, что не подъ облака.

— Набери камешковъ и бросай туда; отвѣчалъ старичекъ.

Мальчикъ усмѣхнулся, думая, что дѣдушка бѣлый горошекъ, изволитъ шутить надъ нимъ, однако исполнилъ его приказаніе.

Но едва добросилъ онъ до верху, какъ огромные листы великановъ зашевелились и на всѣхъ сучьяхъ показались смѣшныя рожи, иныя съ бѣлыми, другія съ синими носами, съ козьей бородкой; они всѣ держались за вѣтви косматыми руками или длиннымъ, голымъ хвостомъ?

— Ахъ! дѣдушка, кто это такіе? закричалъ мальчикъ испугавшись.

— Не бойся другъ мой, они будутъ помогать намъ; бросай только смѣлѣе

въ нихъ камешками, увидишь что будетъ.

И точно, какого было удивленіе мальчика, когда съ деревьевъ начали кидать къ намъ на траву, эти круглые кувшины, такіе большіе, что едва не съ его голову.

Столько летѣло ихъ сверху, что мальчикъ нашъ едва успѣвалъ отвертываться и отбѣгать, помирая со смѣху и кричалъ:

— Полно, полно! и переставъ кидать въ нихъ камешками, принялся подбирать чудные кувшины, желая поскорѣе напиться жидкости, которая болталась внутри и еще болѣе увеличивала его жажду; мальчикъ схватилъ самый большой, и оборвавъ зубами и руками верхнюю, мягкую оболочку не могъ ничего достать, потому

что подъ нею была чрезмѣрно крѣпкая скорлупа; мальчикъ нашъ принялся вертѣть кувшинъ со всѣхъ сторонъ и не умѣя съ нимъ сладить, разсердился и бросилъ его на землю.

Дѣдушка бѣлый горошекъ засмѣялся и сказалъ, видишь что безъ моего наставленія ты можешь умереть отъ жажды, будучи окруженъ кувшинами съ самымъ лучшимъ и прохладительнымъ питьемъ!

Тогда мальчикъ сталъ просить и кланяться своему дѣдушки; а тотъ научилъ его достать изъ принесеннаго имъ мѣшка желѣзную пилку, разпилить осторожно на двѣ половины и жидкостью похожею вкусомъ на миндальное молоко, мальчикъ утолилъ свою жажду.

— Хорошо ли здѣсь? спросилъ дѣдушка бѣлый горошекъ.

— Хорошо, но не очень, отвѣчалъ мальчикъ; на мѣсто молока я бы лучше хотѣлъ покушать хлѣбца.

— Поищемъ хорошенько, то конечно найдемъ и хлѣбъ, сказалъ дѣдушка, только не лѣнись и не забывай спрашивать у меня совѣта.

Они вышли изъ рощи и приблизились къ одному кудрявому дереву, покрытому плодами.

— Вотъ и хлѣбъ? сказалъ дѣдушка бѣлый горошекъ.

— Какъ? да это просто какія-то арбузы или тыквы; этого я не желаю, пойдемъ дѣдушка далѣе.

— Когда я что говорю, то слушай, и не спорь, возразилъ старикъ.

И мальчикъ нашъ образумился, зная уже по опыту, что дѣдушка бѣлый горошекъ, всегда говоритъ правду; выслушалъ со вниманіемъ, что говорилъ ему старикъ и при его помощи, вскарабкался кое-какъ на сучья этого дерева, бывшаго гораздо ниже прежнихъ; сшибъ одинъ изъ этихъ мудреныхъ плодовъ, разрѣзалъ безъ труда и нашелъ въ срединѣ бѣлое, мучнистое вещество, изъ котораго старичекъ научилъ его свалять лепешку и подпечь на огнѣ; тогда недовѣрчивый мальчикъ согласился что это очень похоже на хлѣбъ; но когда утолилъ свой голодъ, то снова началъ вздыхать.

— Что это? спросилъ дѣдушка, чего еще недостаетъ тебѣ?

— Ахъ! отвѣчалъ мальчикъ; дома было мнѣ лучше, тамъ послѣ обѣда сестрица приносила мнѣ или варенья, или пряничковъ, я люблю сладенькое.

— Хорошо, я тебѣ и это доставлю, сказалъ добрый дѣдушка и велѣлъ мальчику слѣдовать за собою.

ДЕСЕРТЪ.

Проказникъ нашъ былъ чрезмѣрно лакомъ, потому удвоилъ прыти слѣдуя за дѣдушкой; который не смотря на древность лѣтъ своихъ, ходилъ такъ скоро, какъ ни одна птица летать не можетъ!

Мигомъ весь лѣсъ остался у нихъ позади и они очутились на большой полянкѣ, заросшей высокимъ тростникомъ.

— Вотъ тебѣ и десертъ! сказалъ дѣдушка бѣлый горошекъ.

— Какъ? эти толстыя дудки; я вѣдь не козелъ, чтобы глодать сухія палки! благодарю за такой десертъ!...

— Попробуй прежде и потомъ говори!

сказалъ старичекъ разсердясь, срѣжь одну изъ нихъ и возьми въ ротъ.

Мальчикъ повиновался, хотя не ожидалъ ничего добраго; но за то, какъ же и обрадовался? когда приставя къ губамъ одну тросточку, почувствовалъ вытекающій изъ нее чрезмѣрно сладкій и пріятный сиропъ! тутъ уже принялся онъ безъ пощады ломать трости и тянулъ изъ нихъ сокъ.

— Прекрасно! безподобно, такого лакомства отроду еще я не пробовалъ! твердилъ онъ, и теперь доволенъ совершенно, только чувствую, что очень усталъ и пора бы отдохнуть, сказавъ это мальчикъ нашъ, вышелъ изъ тростниковаго поля и легъ на лужку покрытомъ цвѣтами подъ тѣнію ароматныхъ кустовъ.

Долго-ли, коротко-ли спалъ онъ, не знаю; но открывъ глаза не могъ разобрать гдѣ находится и что видитъ?

Надъ нимъ и около его летало по воздуху множество бриллiантовъ, изумрудовъ, яхонтовъ, которые сверкали на солнышкѣ, то зеленымъ цвѣтомъ, какъ чудесные огоньки.

Думая, что все это видитъ онъ во снѣ, мальчикъ нашъ протиралъ глаза и потомъ вскочивъ на ноги и еще болѣе удивился, когда замѣтилъ, что блестящiя драгоцѣнности были съ хвостиками; особеннымъ образомъ попискивали и не просто падали на землю, какъ брошенные камешки, а перепархивали съ цвѣточка на цвѣтокъ.

— Дѣдушка бѣлый горошекъ! дѣдушка

голубчикъ! поди сюда поскорѣй, разстолкуй мнѣ, что это такое? кричалъ внѣ себя отъ радости, нашъ путешественникъ.

Бѣлый горошекъ явился и при немъ мальчикъ нашъ, тотчасъ разсмотрѣлъ, что это птички, да такiя крошечныя птички, что не больше нашихъ осеннихъ мухъ!

Но хотя множество и другихъ еще диковинокъ видѣлъ нашъ мальчикъ, которыя точно ли въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать не возможно; однако опять все ему прискучило; онъ сталъ жаловаться, зачѣмъ въ той сторонѣ вѣчное лѣто и нѣтъ нашей родной зимы, съ ея молодецкими морозами! и объявилъ дѣдушкѣ, что рѣшительно не пойдетъ далѣе, что этотъ зной ему несносенъ и что раз-

сорится съ дѣдушкою, если онъ не доставитъ ему средства прохладиться немножечко.

— А вотъ поднимемся къ красному солнышку и тамъ простынимъ тотчасъ.

— Какъ! еще ближе къ солнцу? помилуй дѣдушка я и здѣсь задыхаюсь отъ жару.

— Тамъ ты освѣжишься , а пожалуй еще и озябнешь , какъ говорила твоя сестрица.

— Ну ужъ, этому мудрено повѣрить, подумалъ нашъ мальчикъ, однако не смѣлъ спорить съ дѣдушкою и молча послѣдовалъ за нимъ.

Они тихо всходили на небольшой пригорокъ, нехотя и потупивъ голову шелъ неугомонный нашъ мальчикъ; но какъ

удивился онъ, когда поднявъ глаза, увидѣлъ передъ собою престрашнаго окруженнаго сѣткою, паука, который покачиваясь на воздухѣ упирался длинными ногами въ какія-то кадушки; казалось, какъ бы что-то втягивалъ изъ нихъ и раздувался самъ болѣе и болѣе , сморщенная прежде его полосатая кожа натянулась наконецъ такъ, что чуть чуть не лопнетъ, а самъ онъ сдѣлался круглый какъ шаръ и такой большой , что почти съ тотъ пригорокъ, на которомъ они стояли.

Мальчикъ нашъ такъ и отшатнулся прочь , толкнулъ дѣдушку полегоньку и спросилъ чтобы это значило?...

— Ничего болѣе, какъ воздушная наша колесница, отвѣчалъ дѣдушка усмѣхаясь,

сядемъ въ нее скорѣе, пора намъ ѣхать. Мальчикъ остолбенѣлъ, но видя, что дѣдушка смѣло полезъ подъ ноги ужаснаго паука, приглашая и его сдѣлать тоже; мальчикъ наклонясь увидѣлъ дѣтскую люльку сдѣланную въ видѣ небольшой лодочки, которая лежала на землѣ; усѣлся въ нее по повелѣнію дѣдушки; а тотъ все суетился завязывалъ, да отвязывалъ какія-то веревочки и вдругъ, о, ужасъ! длинныя ноги паука оторвались и остались прилѣплены къ кадушкамъ, а самъ паукъ быстро полетѣлъ къ верху и потащилъ лодочку за собою!

Мальчикъ нашъ едва успѣлъ схватиться обѣими руками за край этой мудреной люльки, которую окружалъ на пологъ, а

Я родился въ мягкой корзинкѣ и долго ничего не видѣлъ, но потомъ постепенно мнѣ казалось все яснѣе, яснѣе и наконецъ я сталъ различать предметы и вылѣзать изъ корзинки. Когда я началъ свободно ходить, меня взялъ на руки какой-то мужчина, принесъ въ квартиру Марьи Александровны и положилъ на мягкую подушку. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я своихъ хозяевъ. Какъ мнѣ понравилась Марья Александровна! Какое доброе и милое лицо!

Катеньку я также полюбилъ; какъ онѣ ухаживали за мной! Теперь только я вижу какого счастія я лишился. Да, я жестоко наказанъ за непослушаніе; я зналъ что мнѣ не позволяютъ гулять одному, и все-таки пошелъ. Хозяинъ

учитъ меня плясать уже два мѣсяца; теперь я знаю все что знаетъ Бижу, и понимаю по-нѣмецки. Но мое знаніе не ограничивается одною пляскою и нѣмецкимъ языкомъ—нѣтъ, я узналъ еще до какого униженія и подлости можетъ довести собаку плеть и притѣсненіе.

Вчера я укралъ у хозяина съ тарелки кость; но какъ скоро услышалъ шаги его, подложилъ кость къ спящему другу своему Бижу, а самъ убѣжалъ подъ кровать.

Когда начали жестоко бить невиннаго Бижу за покражу я даже не выбѣжалъ къ нему на помощь и не укусилъ хозяина.

Былъ ли я прежде способенъ на такую низость! Вотъ до чего довело ме-

ня жестокое обращеніе злаго человѣка! О! Катенька, ты ангелъ въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ.

VIII.

— Вставай скорѣе! сказалъ мнѣ сегодня по-утру Бижу, хозяинъ зоветъ.

Я вышелъ изъ-подъ лавки, и подбѣжалъ къ г-ну Фришу,—такъ звали нашего хозяина. Онъ мнѣ надѣлъ старый красный ошейникъ, надо вамъ сказать что у Марьи Александровны я носилъ чудесный мѣдный ошейникъ, который г-нъ Фришъ снялъ въ тотъ же день какъ принесъ меня къ себѣ—и къ ошейнику привязалъ веревку.

— Ты съ нами идешь? спросилъ Гарсонъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Вѣрно съ нами, сказалъ Бижу.

Г-нъ Фришъ привязавъ къ веревкѣ всѣхъ собакъ, взялъ эту веревку въ руку и вывелъ насъ на дворъ. На дворѣ уже стояли его помощники Карлъ и Иванъ. Карлъ повелъ Мими и козла, а Иванъ понесъ шарманку. Шли мы уже очень долго.

— Куда мы идемъ? спросилъ я Бижу.

— На дачи, отвѣчалъ онъ.

— Какъ я радъ! можетъ быть мы прійдемъ на ту дачу гдѣ мы жили, тогда я убѣгу.

— А я-то, бѣдный, останусь.

— Нѣтъ ты уйди вмѣстѣ со мною.

— А если меня не возьмутъ, твои господа.

— Возьмутъ, они такіе добрые!

И такъ мы рѣшили съ Бижу, что тотчасъ уйдемъ какъ увидимъ кого нибудь изъ моихъ господъ. Насъ привели наконецъ на дворъ, Иванъ поставилъ шарманку и заигралъ, г-нъ Фришъ вынулъ маленькія платья и шляпки и началъ одѣвать моихъ товарищей.

— Не ужели и меня одѣнутъ? спросилъ я Бижу.

— Еще бы! конечно, отвѣчалъ онъ.

— Фи, какое униженіе!

Но не смотря на мое отвращеніе къ нарядамъ, г-нъ Фришъ меня взялъ и началъ одѣвать, какъ я ни рвался, какъ ни старался укусить—ничего не помогло. Онъ на меня надѣлъ платье, но когда къ моей головѣ онъ поднесъ шляп-

ку съ перомъ, я схватилъ его за руку и кусалъ до тѣхъ поръ пока не пошла кровь. Кромѣ побоевъ, которыми меня осыпалъ г-нъ Фришъ, онъ вытащилъ изъ кармана какую-то штуку изъ ремешковъ и надѣлъ ее мнѣ на морду, такъ что теперь я не могу никого укусить. Этаго еще не доставало къ моему несчастію; но впрочемъ я утѣшенъ тѣмъ что укусилъ-таки порядочно хозяина. На меня все-таки надѣли шляпку, и мы начали танцовать подъ звуки шарманки. Я не могъ спокойно танцовать, все думалъ о дачѣ моихъ господъ, и всякую дѣвочку принималъ за Катеньку или Машеньку. Когда мы съ товарищами оттанцовали, насъ раздѣли, привязали къ веревкамъ, и мужчины занялись Мими и

козломъ. Мими одѣли какимъ то испанцемъ со шпагою въ рукахъ; онъ сѣлъ верхомъ на козла, поѣхалъ по двору, и когда хозяинъ кричалъ ему что-то, онъ выдѣлывалъ разныя штуки. Весь остатокъ дня мы проходили по дачамъ, но къ моему несчастію ни одна изъ нихъ не походила на дачу Марьи Александровны.

IX.

Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ мы ходимъ по дворамъ, а я еще все не убѣжалъ къ моимъ старымъ господамъ.

X.

Теперь я лежу больной, по милости моего хозяина. Разскажу вамъ какъ это случилось.

Вчера вечеромъ мы расположились передъ одной изъ дачъ, чтобы потанцовать. Бижу вальсируя со мною говоритъ мнѣ:

— Сюда идутъ какія-то дѣвочки, посмотри, не твои ли это господа.

— Я близорукъ, отвѣчалъ я.

— Онѣ идутъ сюда, тогда ты можешь посмотрѣть.

Насъ раздѣлили и уже привязали, когда дѣвочки подошли къ намъ, такъ, что я могъ ихъ разглядѣть.

— Ну что? спросилъ Бижу.

Я взглянулъ и чуть не упалъ.

По другой сторонѣ улицы шла няня, а съ ней шли Катенька и Машенька.

— Няня остановимся посмотрѣть на обезьяну, сказала Катя.

— Нельзя, душечка, отвѣчала она, мамаша ждетъ, будетъ безпокоиться.

— Да хоть минуточку, няня, позволь, проговорила Машенька.

— Нельзя, никакъ нельзя, пора чай пить.

И такъ онѣ прошли мимо.

Я началъ рваться изо всей мочи, визжалъ, кричалъ, но ни что не помогало. Бижу тоже лаялъ; я плакалъ отъ злости, отъ горя и упалъ въ изнеможеніи на мостовую.

Когда Мими кончила свои представленія, насъ повели домой, но я уперся ногами и не шелъ, надѣясь что опять увижу кого нибудь изъ своихъ прежнихъ господъ. Сначала хозяинъ билъ меня плеткой, но я рѣшился все перенести и не тронуться съ мѣста; наконецъ онъ взялъ меня на руки и такимъ образомъ донесъ до дому. Тамъ меня ожидало ужасное наказаніе. Г-нъ Фришъ билъ меня до того, что испортилъ мнѣ лапу и теперь я лежу и не могу болѣе танцовать. Всякій вечеръ я спрашиваю Бижу не видалъ ли онъ тѣхъ дѣвочекъ, но онъ говоритъ что теперь ихъ не водятъ болѣе въ ту сторону.

XI.

Теперь уже зима и мы отдыхаемъ до будущаго лѣта. Лапа моя еще не совсѣмъ зажила. Какъ грустно вспомнить прошлую зиму. Товарищи мои меня любятъ, но они не могутъ меня вполнѣ понять, они не жили у Марьи Александровны.

XII.

Опять мы начали ходить по улицамъ и показывать себя. Теперь мы менѣе мечтаемъ съ Бижу о нашемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ.

XIII.

Еще перемѣна въ моей жизни.

Вчера мы шли по какому-то мосту, за нами шелъ мужчина съ мальчикомъ, они говорили обо мнѣ и потому я сталъ вслушиваться.

— Папа, говорилъ мальчикъ, посмотрите какая хорошенькая собачка, купите мнѣ ее.

— Полно, Вася, зачѣмъ тебѣ.

— Пожалуйста, папа, купите.

Мужчина подошелъ къ моему хозяину и спросилъ его не продастъ ли онъ ему черную собачку. Сначала хозяинъ отказалъ. Незнаю обрадовался ли я или нѣтъ, мнѣ кажется что я уже привыкъ къ своему положенiю. Чрезъ минуту я опять

услышалъ разговоръ за собою; мальчикъ говорилъ со слезами.

— Какъ онъ смѣлъ вамъ отказать! велите ему продать.

— Да какъ же я ему велю продать, онъ меня не послушаетъ.

Но мальчикъ ревѣлъ до того что отецъ опять подошелъ къ хозяину и началъ просить его продать черную собачку.

Плохо мнѣ будетъ, подумалъ я, если попадусь къ этому мальчику, онъ должно быть упрямый мальчишка.

Не прошло двухъ минутъ какъ я уже былъ проданъ, и меня велъ за веревку мой новый хозяинъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ мнѣ Бижу, такъ-то ты оставляешь насъ.

— Что же мнѣ дѣлать? сказалъ я, заливаясь слезами.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣлать было нечего; меня тащили за веревку въ сторону противуположную той, по которой пошли мои товарищи.

Мальчикъ шелъ все время подпрыгивая отъ радости что купилъ меня.

Меня привели въ хорошенькія комнаты; вездѣ было чисто и мило.

— Спросилъ ли ты, Вася, сказалъ отецъ, какъ зовутъ твою собачку?

— Ай, ай, ай, забылъ спросить! что же мы будемъ дѣлать?

— Ну, мы ее назовемъ какъ нибудь.

— Назовемте ее Арапкой.

— Изволь.

— Арапка, Арапка, поди сюда, сказалъ мнѣ Вася.

Я подошелъ.

— Посмотрите папа, онъ знаетъ свое имя.

И такъ теперь я превратился въ Арапку. Не знаю, будетъ ли мнѣ хорошо жить, но я знаю, что покуда меня очень хорошо кормятъ, а это не бездѣлица.

Когда я осмотрѣлъ всѣ комнаты, поѣлъ и отдохнулъ, я отправился въ кухню, познакомиться съ прислугою. Въ кухнѣ сидѣли кухарка и мальчикъ и разговаривали о какой-то барынѣ; мальчикъ говорилъ что радъ ѣхать въ деревню.

XIV.

Весь тотъ день, въ который я попалъ къ Буйловымъ, Вася занимался со мною, но на другой день онъ ушелъ куда-то съ утра и не приходилъ всю эту недѣлю. Мнѣ очень было скучно цѣлые дни сидѣть одному; должно быть я очень привыкъ къ бродячей жизни, такъ и хотѣлось выбѣжать на улицу! Но одному страшно: опять, пожалуй, кто нибудь украдетъ и будетъ бить, какъ билъ г-нъ Фришъ. Да! не разъ вспомнишь добрую Марью Александровну, и не разъ побранишь себя за непослушаніе и любопытство.

XV.

Опять пришлось побранить себя за прошлую ошибку. Если бы я слушался и не выходилъ на улицу, не попалъ бы я къ шарманщику, теперь бы не жилъ у Буйловыхъ, а преспокойно жилъ бы у Марьи Александровны. Вчера была Суббота. Пришелъ домой Вася; послѣ обѣда онъ на что-то разсердился, и за это прибилъ меня. Я такъ завизжалъ что на мой крикъ изъ кухни прибѣжалъ мальчикъ Алексѣй и сказалъ Васи:

— Какъ вамъ, сударь, не стыдно бить собаку.

— Какъ ты смѣешь меня учить! закричалъ Вася на него, и съ этими словами онъ бросился на Алексѣя, началъ его бить и плакать отъ злости.

Я ужасно испугался и забился подъ стулъ. Алексѣй былъ гораздо больше и сильнѣе Васи; я всякую минуту ожидалъ, что слуга побьетъ барина, но былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ что Вася надравшись до сыта подбѣжалъ и еще разъ ткнулъ меня ногой. Алексѣй же печально побрелъ въ кухню.

Вѣрно у людей не такъ какъ у насъ. У насъ кто сильнѣе тотъ и грызетъ слабаго.

XVI.

Не смотря на чудное лѣто, на прекрасный садъ, гдѣ я могу гулять, мнѣ все-таки здѣсь не хорошо. Мы, вотъ уже недѣля, какъ пріѣхали въ деревню.

Васина мамаша, все сидитъ на диванѣ, читаетъ, а вечеромъ, когда всходитъ луна; она отправляется въ садъ и просиживаетъ тамъ почти до свѣту. Оля, сестра Васи, между тѣмъ не учится, а бѣгаетъ съ деревенскими дѣвчонками, рветъ себѣ платья и пачкается, Вася буянитъ на весь домъ, и всего страннѣе то, что когда онъ бьетъ кого нибудь, ему не сдаютъ обратно, даже

не жалуются на него. Впрочемъ, вчера баринъ замѣтивъ подобную сцену, оставилъ Васю безъ обѣда и заперъ въ темную комнату. Конечно, я никогда не забуду, этой комнаты. Къ несчастію я попала въ нее вмѣстѣ съ нимъ. Сначала онъ ревѣлъ съ полчаса, но потомъ, когда пріутихъ, то притащилъ меня къ себѣ и началъ тянуть мои уши, потомъ хвостъ, жалъ меня, билъ, щипалъ. Долго, долго я терпѣлъ, но наконецъ вышелъ изъ себя! началъ на него бросаться, искусалъ его, я думаю, мѣстахъ въ десяти и кусалъ изрядно. Онъ, конечно, кричалъ изо всей мочи, но на его крикъ никто не являлся, черезъ часъ пришелъ лакей и выпустилъ насъ обоихъ, онъ съ крикомъ бросился къ отцу и объя-

вилъ ему что Аранка сбѣсился и искусалъ его. Васю уложили въ постель, а меня опять заперли въ темную комнату, поставивъ туда сначала хлѣба и воды. Такимъ образомъ я просидѣлъ три дня. Теперь я опять гуляю, но вижу что меня всѣ боятся и никто не любитъ.

XVII.

Какое ужасное, скучное лѣто! Какъ часто я плачу отъ боли послѣ побоевъ злаго Васи. Неужели я никогда не буду жить у добрыхъ людей.

XVIII.

Наступила осень, и мнѣ даже нельзя гулять по саду—холодно и сыро; дождь идетъ нѣсколько дней. Дня три тому назадъ, я пошелъ въ садъ, выпачкался и измокъ. Прійдя домой, боялся лечь на полъ чтобы не замарать его, а легъ на какую-то тряпку. Меня разбудили побои и крикъ Оли:

— Скверная собака! запачкала мою пелеринку.

Меня сильно побили, а Оли не сказали ни слова, мнѣ кажется ее бы слѣдовало также побить, зачѣмъ она бросила пелеринку. Сегодня опять доста-

лось мнѣ за Олю! Меня забыли накормить — я былъ ужасно голоденъ, и какъ обрадовался, найдя на полу Олину сахарную куклу! Я принялся ее ѣсть, но не могъ докончить. Вечеромъ ее нашли и увидѣли слѣды моихъ зубовъ: меня опять поколотили. Я всегда думалъ что бросаютъ однѣ только не нужныя вещи.

Оля страшная лгунья и клеветница: она испачкала и разорвала книгу своей мамаши, боясь наказанія она свернула вину на меня. За это меня выгнали изъ горницы и я живу въ кухнѣ подъ грязной лавкой. Вася уѣхалъ въ городъ. Меня оставили въ деревнѣ, незнаю на долго ли. Люди не обращаютъ на меня вниманія. Даже забываютъ кормить. Я

увидѣлъ себя въ зеркалѣ и ужаснулся: я страшно похудѣлъ и шерсть моя не блеститъ, а стоитъ дыбомъ; мѣстами даже вылезла. Я шатаюсь на ногахъ и часто попадаюсь подъ ноги кухаркѣ, которая обыкновенно восклицаетъ при этомъ:

— Ахъ ты, пучеглазый! вотъ я научу тебя вертѣться подъ ногами.

Эти слова она сопровождаетъ обыкновенно пинькомъ, а иногда запираетъ меня въ сырой и грязный чуланъ, гдѣ я, не смотря на визгъ мой, просиживалъ безъ пищи иногда цѣлыя сутки. Однажды баринъ замѣтилъ, что я очень грязенъ и приказалъ горничной вымыть меня. Никогда не забуду какое я вытерпѣлъ мученіе, когда меня мыли. Гор-

ничная безпощадно вырывала гребнемъ мою шерсть и за каждое покушеніе вырваться изъ рукъ ея она давала мнѣ колотушку въ голову, приговаривая:

— Чтобъ тебѣ провалиться! волчье мясо!

XIX.

И меня наконецъ привели въ городъ. Я болѣнъ отъ тоски и постоянныхъ пинковъ. Для чего страдать. Не лучше ли убѣжать? Убѣгу, непремѣнно убѣгу.

XX.

Какъ до сихъ поръ бьется у меня сердце, и я весь дрожу отъ радости. Сегодня по-утру пришла къ Васиной мамаши, какая-то дама, потомъ я узналъ въ ней M-me Беръ знакомую Марьи Александровны, и съ ней пришла моя старая знакомая леврстка Кадо.

— Какъ, это вы M-r Ами? сказала она мнѣ.

— Да, M-elle Кадо, это я.

— Отчего же вы не у Марьи Александровны?

— Меня украли.

— Въ самомъ дѣлѣ? разскажите же мнѣ какъ это было?

Мы сѣли съ Кадо въ уголокъ, и я ей разсказалъ все что со мной случилось.

— Какъ мнѣ васъ жаль! сказала мнѣ Кадо когда я кончилъ.

— Кадо! Кадо! домой. . кричала M-me Беръ.

Нечего дѣлать, Кадо должна была уйти.

Я такъ радъ что видѣлъ ее, теперь у меня есть снова надежда отыскать своихъ старыхъ господъ.

XXI.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, ничего новаго со мной не случилось, и я не видалъ M-elle. Кадо.

Хочу попробовать новое средство: буду всякій разъ, какъ Катерина Ивановна уходитъ со двора, проситься съ ней; можетъ быть она пойдетъ къ M-me Беръ, я увижу Кадо и разспрошу у ней о своихъ старыхъ господахъ.

XXII.

Сегодня Катерина Ивановна ходила гулять и я съ ней. Вездѣ нюхалъ, думая что попаду на слѣдъ Марьи Александровны. Но нѣтъ!...

XXIII.

Опять бьется у меня сердце и я счастливъ. Былъ сегодня у M-me Беръ и видѣлъ M-elle Кадо. Какая она добрая и миленькая! Мы такъ много говорили о Марьѣ Александровнѣ. Она ихъ видитъ довольно часто. Можетъ быть и я скоро увижу ихъ. Но вѣдь меня можетъ и не отдадутъ имъ. Ахъ, какъ это будетъ грустно!

XXIV.

Мы очень подружились съ Кадо, и видимся часто. Я забылъ всѣ свои несчастія.

XXV.

Наконецъ я снова у своихъ старыхъ господъ. Вотъ какъ это случилось:

Мы отправились съ Катериной Ивановной къ M-me Беръ. Чрезъ полчаса послѣ нашего прихода, раздался звонокъ; мы съ Кадо, зная хорошо свою служ-бу, съ лаемъ бросились въ прихожую, но насъ тотчасъ же уняли и заперли въ сосѣднюю комнату. Минутъ черезъ пять дверь въ нашу комнату кто-то отво-

рилъ, и мы побѣжали въ гостиную. Только что я вошелъ, взглянулъ — на диванѣ сидитъ Марья Александровна, и подлѣ нея стоитъ Катенька. Я съ виз-гомъ бросился къ нимъ, и завылъ отъ радости. Сначала Катенька очень испу-галась и хотѣла заплакать, но взгля-нувъ на меня она сказала:

— Мамаша! вѣдь это точно нашъ Амишка!

Марья Александровна протянула ко мнѣ руку, и назвала меня по имени.

Я прыгалъ, махалъ хвостомъ, лизалъ ея руки.

Но когда Катенька посадила меня къ себѣ на колѣни, и убѣдилась что это точно ихъ прежній Ами, она отъ ра-дости заплакала.

Катерина Ивановна разсказала, что меня купили у шарманщика, и прибавила:

— Я не охотница до собакъ, и очень рада что могу доставить вамъ удовольствіе, возвративъ вамъ вашего Ами.

И такъ я снова у своихъ господъ! и даю себѣ слово во всемъ ихъ слушаться, чтобы не быть опять такъ жестоко наказаннымъ.

Надо быть снисходительнымъ къ недостаткамъ людей, и я не буду болѣе сердиться за то, что Катенька, изъ прихоти часто безпокоитъ меня.

Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ истинно злыхъ людей, Катенька кажется мнѣ доброю дѣвочкою.

КОНЕЦЪ.